

Михаил Наумович Ромм

Четыре птицы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314118
Четыре птицы.: ЭРА; Москва; 2013
ISBN 978-5-905693-97-1

Аннотация

В третью книгу стихов Михаила Ромма вошли избранные произведения, написанные в период с 2004 по 2010 годы.

Вокруг бушуют страсти, рушатся и восстают из пепла режимы и правительства, митингуют несогласные, маршируют согласные... Общественные и семейные проблемы и вообще земные страсти не мешают автору смотреть на мир сквозь призму поэзии. Перед нами книга самобытного, удивительного поэта – нашего современника.

Книга рассчитана на широкий круг любителей поэзии в её традиционном понимании.

Содержание

Четыре странные птицы	9
Алконост	11
Облака	12
Спичечный кораблик	13
Весёлые вещи	14
Весенняя щедрость	15
Птичий гомон и свист	16
Лучик солнечный, играй	17
Подъёмный кран	18
Ливень	19
Раки	20
Лесной царь	21
Туристы	22
Ледяные глыбы тишины	23
Поздний октябрь	24
Перелётные птицы	25
У лесной реки, осень	26
Разное одиночество	27
Остров сокровищ	28
Открытка	29
Реальный случай	30
Сонный рассвет	31
Усилилось земное притяжение	32

Я сегодня напьюсь	33
Земля	34
Хорошая жизнь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Ромм

Четыре птицы

ЧЕТЫРЕ ПТИЦЫ

Творческий путь Михаила Ромма удивителен тем, что он идёт к вершине по своему собственному пути уверенно, твёрдо, без истерик и не сомневаясь, что поэзия нужна людям.

Его стихи приобретают в последние годы уже почти эпическое, глубокое и уверенное звучание...

Имя Михаила Ромма известно уже более 25 лет. Издатель самиздатовских рукописных журналов, наивный романтик, мечтающий спасти мир... Таким он был в 80-е годы. Будучи общественным деятелем и главным редактором газеты «Гуманитарный фонд» (конец-80-х – начало 90-х) М. Н. Ромм не стремился широко пропагандировать своё собственное творчество. Однако после 2000 года вышли две книги его стихотворений – «Заветное желание» (Москва – Тель-Авив, Э.РА, 2004) и «Мастер снов» (Москва – Тель-Авив, Э.РА, 2006), куда вошли стихи разных лет. Книги вызвали живую реакцию. Например, в «Независимой газете» появился материал Ларисы Кононовой, озаглавленный «Михаил Ромм жив! Последнего романтика вытащили из андеграунда», где вкратце упоминается об истории Гуманитарного фонда (см. ссылки).

Михаил Ромм, его деятельность, его творчество – это не музейный атрибут, а факт сегодняшней литературной реальности. Михаил лишен творческого эгоизма. Он открыт миру, а не заиклен на себе. Он любит людей, особенно – пишущих. Это и привело его в последние годы в издательство

Э.РА, заместителем главного редактора которого он является с конца 2009 года. Работа в издательстве дала ему возможность продолжить своё любимое дело.

При его прямом участии учреждена Независимая премия «Живая литература» (<http://www.lname.ucoz.ru>), организован выпуск журнала «Последняя среда», проводятся заседания одноименного клуба каждую последнюю среду месяца. Можно с полным правом сказать, что Михаил Ромм – подвижник литературы.

Эвелина Ракитская

Четыре странные птицы

*Четыре странные птицы
Поют в ночи для меня,
У трёх из них женские лица,
Четвёртая – из огня.*

*Одна мне поёт про радость
Всего, что дано сполна,
Про горечь жизни и сладость,
И песня её грустна.*

*Тихо поёт вторая,
Что совесть моя больна,
Что гибель мой мир ожидает,
И песня её грустна.*

*Третья поёт сердечно
О том, что сулит весна,
О том, что любовь не вечна,
И песня её грустна.*

*Четвертая исчезает,
Сгорает и восстаёт,
Надежда не умирает,
И радостна песнь её.*

АЛКОНОСТ

АЛКОНОСТ

Облака

Я славлю кучевые облака,
О, как они бессмысленно прекрасны.
Их плоть обманчива, их ткань тонка,
Их красота избыточна напрасно.

Они клубятся, преломляя свет,
И окружают солнце семицветьем,
И нет покоя им, и смерти нет —
Ведь своего не ведают бессмертья.

Зачем они? Награда ли? Намёк?
Надежда нам, в ничтожность заключённым?
Беспечной веры солнечный урок,
В который раз напрасно повторённый...

Спичечный кораблик

Мой корабль был из спичек склеен,
Лужу, как Титаник рассекал,
Муравей карабкался на рею,
Он как я – судьбы своей не знал.

Я стоял, чумазый и счастливый,
Весь промокший с головы до ног,
Но нырнул корабль в пучину слива,
И над ним сомкнулся водосток.

Мартовское солнце, воздух славный,
А на лужах радужные плёнки,
Может быть, тот день был в жизни главным —
День, когда я убежал с продлёнки.

Весёлые вещи

Весёлые вещи, ручьи, воробьи
И солнце, блестящее в луже,
Они отдают мне богатства свои,
А я им задаром не нужен.

И падают цепи на землю, звеня —
Раба отпускают на волю,
Они, тем не менее, учат меня
Искусству победы над болью.

И снова тепло, и безоблачно, и
На мире ни сколов, ни трещин.
Маршрутки, деревья, ручьи-воробьи —
Такие обычные вещи.

Весенняя щедрость

А Весна не жалеет нам ночи безлунной,
Птичьих песен ажурную вязь,
Запах вишен в цвету, запах зелени юной —
Отдаёт всю себя, не скупясь.

И господ и рабов, и больных обречённых,
Недовольных собой и судьбой,
И свободных пока, и пока заключённых,
Всех весна одаряет собой.

К тем, кто рвёт друг у друга добычу из пасти,
Одинаково тёплый привет,
Ничего нет доступнее этого счастья,
Ничего недоступнее нет.

Птичий гомон и свист

Птичий гомон и свист
В поцелуях дрожащего мая.
Чтоб ценить этот твист,
Надо жить,
На холодном ветру умирая.

В лужах город искрист,
Расставляет в отчаянье точки.
Остро пахнувший лист
Вылезает из треснувшей почки.

Есть в портфеле цветном
У Весны ещё хлебные крошки
Я бы стал воробьём,
Чтобы тёплую клюнуть ладошку.

Лучик солнечный, играй

Лучик солнечный, играй,
Это всё на самом деле:
Наша жизнь – цветущий май
В соловьиных чистых трелях.

Стужа, лютая зима,
Город зноем раскалённый,
Боль, сводящая с ума,
Праздник, в раму заключённый.

Жалко плачущий старик,
Умиравший ребенок,
Это только сонный крик,
Голос, сорванный спросонок.

Только морок это всё:
Жажда власти и наживы.
Май цветущий нас спасет:
В тёмной раме – май счастливый.

Подъёмный кран

Подъёмный кран – тропическая птица,
Загадочная надпись – ОСН-3
Москва-река на солнце серебрится,
И сладкой гарью дышат пустыри.

Сюда ведет проезд Южнопортовый,
В тоскливый шлакоблочный пейзаж.
Забор, воняющий покраской новой,
И полуразвалившийся гараж.

Громадные гудят автомобили,
На стенах иероглифами мат,
Как будто в этом запахе и пыли,
Свершается магический обряд.

Бессмысленная злая кутерьма
Алхимика, сошедшего с ума.

Ливень

Июль дождлив и жарок, как субтропики.
Глощает фразы сумасшедший ливень,
И тёмен смысл его невнятной строфики,
И голос его влажный непосилен.

Поёт вода с экспрессией пугающей
О том ли, что все капли сочтены,
Или о солнце в лужах, подсыхающих
Среди внезапной звонкой тишины?

А может быть, предвосхитить пытается,
Долбя ожесточённо водосток,
Как беззащитно свету улыбается,
Прорвавшийся из-под земли росток.

А ливень вниз уйдет. Какая разница,
Что в нежности своей несправедлив,
Что капли с листьев, прыгают и дразнятся,
И тихо говорю: «Июль дождлив...»

Раки

Раки выходят на тёплые камни,
Свиркает кто-то в высокой траве.
Жизнь свою щедро приносит река мне,
Точно туза в рукаве.

Может быть, завтра ей дар возвращу я,
Жизнь свою ей возвратив,
Раки тогда надо мной потанцуют,
Клешни раскрыв.

Будут звенеть комары неустанно,
Мох, наливаясь, светлеть,
И облака будут плыть к океану,
А река будет петь.

Лесной царь

Темнота наступает стремительно,
Я один на дороге лесной,
Шевелящимся в сумраке жителям,
Навсегда бесконечно чужой.

Мне невидно, кто ветками хрустает,
Кто кричит над моей головой,
Лишь черники дрожащие кустики
Покрываются свежей росой.

Я не знаю для этого имени,
Лес надежно секреты таит,
Царь лесной, забери, забери меня,
Посвяти меня в тайны свои.

Туристы

Солнце – мячик, запущенный прямо в зенит,
День карельский, неслыханно жаркий.
Слышны аплодисменты – то утка бежит
По воде перед носом байдарки.

За инструктором лодки одна за другой,
Как за уткой утят.
Вот пристали на днёвку. С затекшей спиной
Вылезают неловко ребята.

Обгорели, промокли, смеются они.
Стало шумно меж сосен.
На полянке остались лишь слепни одни —
Посмотреть, как байдарки выносят.

У туристов закуска и выпивка есть,
Ничего не жалеют.
На стволе в два обхвата удобно присесть,
Только в кустиках надо скорее.

А когда ночь наступит и лес оживёт,
Соберутся у светлого круга.
Вдруг затихнут, и слышно, как жук проползёт.
Зябко жмутся друг к другу.

Ледяные глыбы тишины

Ледяные глыбы тишины,
Сжатые дрожащие колонны —
Чёрных дыр мучительные сны
И ревущей плазмы мегатонны.

В сгустках гравитации летят,
Звёздные беззвучные громады,
И бушует, выгорая, ад
В недрах выгорающего ада.

Но они – лишь искорки во мгле
Растворяясь в петлях расстояний.
Ветви галактических сияний,
Еле различимы на Земле.

Где свод неба выточен и прочен,
В тихой отражается реке,
Метеоры – эти слёзы ночи,
Катятся по бархатной щеке.

Поздний октябрь

Томительная неба просинь
Нежнее, чище и родней.
Рассвет окрашивает осень
В предчувствии бесцветных дней.

Дрожат берёзки между сосен,
Листвы лишённые своей,
Уже не золотая осень,
Она и проще, и скромней.

Глядит с улыбкой виноватой,
На свой поблекнувший наряд,
Но наполняет цветом взгляд
Рассвет сквозь воздух горьковатый.

И окон рыцарские латы
Малиновым огнём горят.

Перелётные птицы

А чёрные птицы, и правда, на юг улетают.
Наполнено небо прощальными криками птиц,
Но люди спешат, люди головы не поднимают,
И небо пустеет, устав от опущенных лиц.

А вскоре, наутро, окажутся голыми клены,
И будут под ними, обсыпаны снежной трухой,
Пасти голубей, охраняя от кошек, вороны,
Ещё воробы не покинут наш город сырой.

Да что я грущу, ведь на то – перелётные птицы,
Они улетают – и в небо смотри, не смотри,
Наступит Зима, на балкон возвратятся синицы,
А может быть, даже и толстенькие снегири.

У лесной реки, осень

Здесь у речки лесной, где звенит тишина,
Ночью небо становится ближе,
И горошины-звёзды на ветви сосна,
Точно бусы алмазные, нижат.

Млечный купол, сверкая, в тиши вознесён,
Только изредка слышно из мрака,
Как в далёкой деревне облает свой сон,
Заскулит и затихнет собака.

Неожиданный плеск – лягушачий прыжок,
Вдруг посмотришь на воду, очнувшись,
Догорая, костёр затрепещет у ног,
Тёмным зверем уютно свернувшись.

Так искрится холодная осени вязь,
Насекомых народ усыпляя,
И опавшие листья слегка серебрясь,
Кораблями в реке проплывают.

Разное одиночество

Бывает разным одиночество:
Бывает – двое – но не пара,
Бывает – гений – в муках творчества,
Бездомный пёс больной и старый...

Безумец шепчет лжепророчества,
Без струн оставлена гитара,
Детдомовец, что ищет отчество,
Пастух в горах один с отарой.

Но облака, деревья, птицы,
Трава, от дождика сырая,
Зерно, что в поле колосится,
Про одиночество не знают.

И тот, кто отдаёт себя за так,
Не знает одиночества, чуждак.

Остров сокровищ

Всё, что мне нужно – заварки немножко,
Да на коленях пушистая кошка.

Бросил навеки я общество алчных чудовищ,
Но в сундучке моём спит ещё
карта сокровищ.

Знаю поэтому – чёрная мокрая птица —
Буря в окошко холодным крылом постучится.

И в полумраке все вещи изменят значенья —
Тут и начнутся
мои приключения.

Бросьте, не надо богатства, не надо величия,
Чай закипает, и кошка уютно мурлычет.

Открытка

Песчинки белого пляжа,
Спрятанные в ладони.
Песчинка к песчинке ляжет
На идеальном склоне,
Тоненькой струйкой строя,
Времени пирамидки,
Что тают в волнах прибоя
На полинявшей открытке.

От ласки живого моря,
От детских воспоминаний,
От наших простых историй,
Печалей и обещаний
Останутся только флаги,
Что треплет ветер солёный
На пожелтевшей бумаге
В глубинах фотоальбома.

Реальный случай

«В Беляево есть даже кипарисы...» —
Строка вертелась в голове помехой,
Но поезд до «Беляево» не ехал,
А только до «Черемушек» – капризы!

Старик лежал на лавочке напротив,
Храпел уютно, даже сняв ботинки,
А я давил свои позывы к рвоте
От этой идиллической картинки.

На станции две тётки в униформе
Его будили, вереща свистками,
И, выкинув ботинок на платформу,
Бодрили деда лёгкими пинками.

Он вышел и к колонне прислонился,
Взглянул на них без злобы и без страха.
Чтобы надеть ботинок, наклонился,
И о платформу грохнулся с размаху.

Так он лежал с улыбкой дохлой крысы,
Оставив мне и ненависть, и милость,
«В Беляево есть даже кипарисы» —
Бессмысленно строка в мозгу крутилась.

Сонный рассвет

Рассвет, запутавшийся в кронах,
Застрял среди ветвей, как будто спит.
Серебряный ледок на голых клёнах
Рубиновыми брызгами горит.

Рассвет, такой медлительный спросонок,
Он щурится, и он на всех сердит —
Вздохмаченный заспавшийся ребенок,
Что ловит сон и в школу не спешит,

Уткнувшись носом в мягкую подушку,
Слегка порозовевших облаков.
Его разбудит вредная старушка.
И выпроводит из дому без слов,

И он пойдёт, из порванной котомки
Роняя снов цветастые обломки.

Усилилось земное притяжение

Усилилось земное притяжение,
И с каждым днем оно чуть-чуть сильнее.
Мне всё труднее по земле движение,
Нас точно что-то связывает с ней.

У этой связи будет продолжение,
Меня согнёт дугой течение дней,
И лягу, наконец, в изнеможение,
Став шорохом внутри земли моей.

Я погружусь в неё, и буду слушать,
Других людей усталые шаги,
И будут звуки становиться глуше
Во тьме сырой, где не видать ни зги.

Но я не умер, я ещё живой,
Я просто становлюсь самой землёй.

Я сегодня напьюсь

Я сегодня напьюсь, да, сегодня напьюсь непременно я,
Припасён у меня обжигающий нёбо коньяк,
Наплевать, что ко мне равнодушна Вселенная,
На закуску найдётся какой-нибудь вкусный пустяк.

Я сегодня напьюсь, стану Пушкиным, Гоголем,
Стану Наполеоном, в конце-то концов,
Приосанюсь, пройдусь, хоть не щёголем – гоголем.
Тёплым ветром величья согрею лицо.

Пусть карманы пусты, и мечты не сбываются,
На мгновенье забуду, что нелюбим.
Буду плакать потом, и потом буду каяться
Над разрушенным миром моим.

Земля

Не земля, и не твердь, не поверхность, а нечто такое,
По чему так приятно босыми ногами ступать,
Как по тёплой ладони, что бережно держит живое,
Создавая опору, давая возможность взлетать.

В ожерелье озер, и под тонкой фатой океана,
Это нечто живёт, и подзёмною мощью бурлит,
Дышит взмахами ветра, и в кольца свивает туманы,
Одаряет едой, и сокровища в недрах хранит.

В ледяной пустоте, этот брошенный теннисный мячик,
Вслед за крохотным солнцем, стремится в объятия тьмы,
Кто укроет её, кто в карман, словно камешек спрячет?
Кто спасёт от беды,
это – мы,
это – мы!

Хорошая жизнь

Изморозь с утра на чёрных ветках,
И уже растаял первый снег.
В тёплых куртках школьницы-нимфетки,
Аппетитно пахнет чебурек.

В городском пруду теснятся утки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.